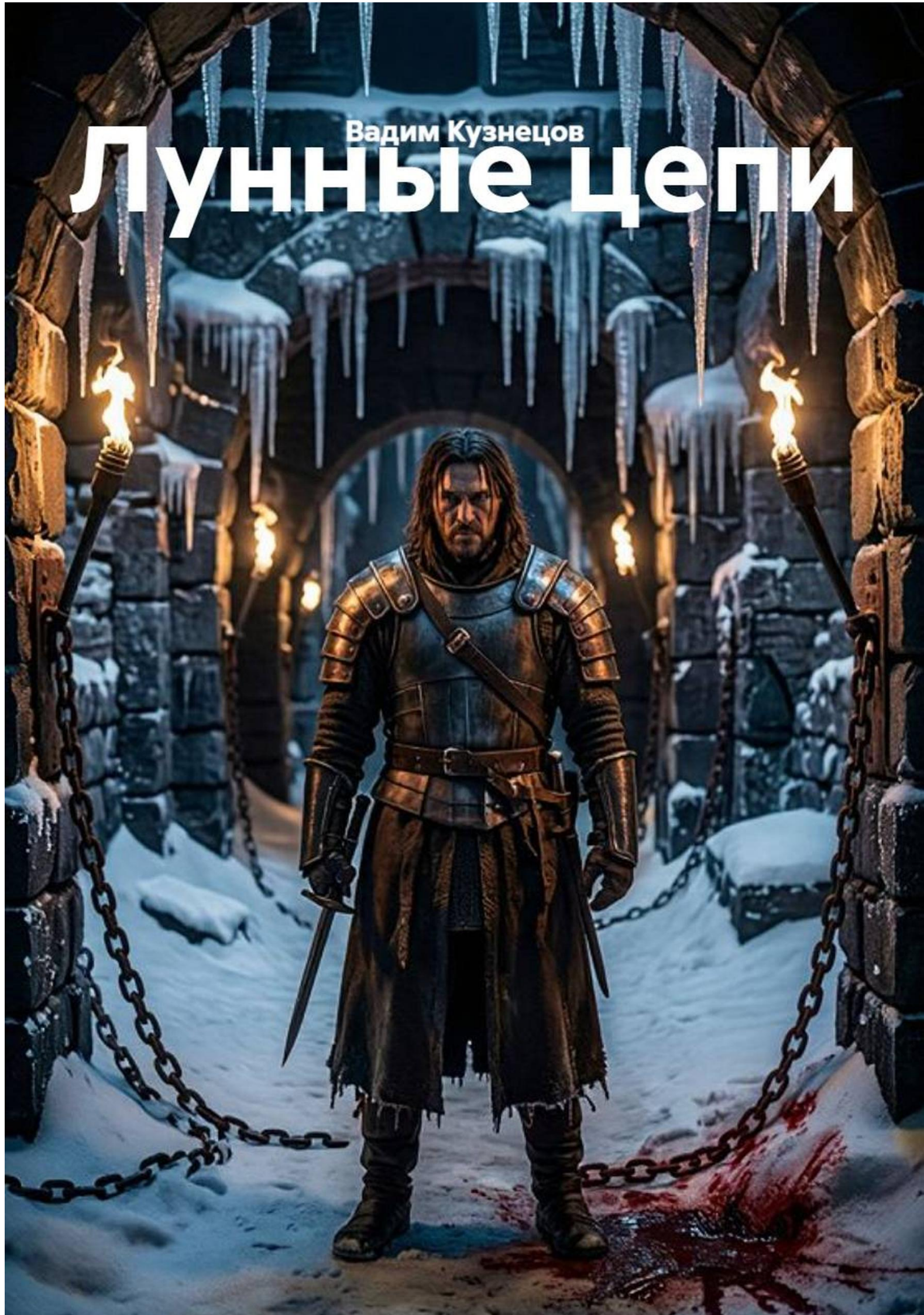

Вадим Кузнецов

Лунные цепи

Вадим Кузнецов

Лунные цепи

«Автор»

2026

Кузнецов В.

Лунные цепи / В. Кузнецов — «Автор», 2026

Они клеймили его как раба, а затем нарекли «равным». В заснеженных застенках павшей столицы выживает Валангис — пленник, чудом одолевший ужасающего зверя. Приближённый комендантом цитадели, он балансирует на лезвии ножа между доверием палачей и ненавистью вчерашних братьев по несчастью. Но когда подземные шахты взрываются восстанием, а в казематах пробуждается пленный чародей, наступает время платить по счетам. Сумеет ли горстка обречённых пробить путь к свободе сквозь армию чудовищ?

© Кузнецов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вадим Кузнецов

Лунные цепи

Глава

ПРОЛОГ: Последний бой короля Элендура

Капит-Орис пылал. Не так, как горят поленья в очаге — покорно и уютно. Город горел яростно, отчаянно, как живое существо, пытающееся выжечь из себя чужеродную, смертельную заразу. Пламя не просто лизало, а *пожирало* многовековое наследие: мрамор колоннад древних храмов, добытый в каменоломнях далёкого Севера, трескался со звуком, похожим на рыдания; резные деревянные балки домов, помнившие руки мастеров десяти поколений, вспыхивали золотистыми факелами и рушились, осыпая улицы дождём искр. Сам воздух гудел от жара, дрожал, искажая очертания рушащихся башен. А над всем этим — чёрно-багровое небо, сотканное из дыма, который пах не просто гарью. Он впивался в гортань едкой смесью сожжённых манускриптов Великой Библиотеки, расплавленного серебра с куполов, сладковато-приторным смрадом горящей плоти. Это был запах конца эпохи.

По улицам, что ещё вчера звенели переливами лютен менестрелей и смехом детей, бежавших к фонтанам, теперь текла тьма. Толпы приверженцев Тёмного Повелителя двигались не строем, а мрачным, густым паводком — безликой массой кожаных доспехов, ржавого железа и пустых, послушных глаз. Среди них, словно стервятники на поле боя, сновали углуки. Их приземистые, жилистые фигуры, с кожей цвета запёкшейся глины, метались в дыму. Их хриплые, лающие крики, лишённые смысла, но полные чистой ненависти, разрывали воздух, сливаясь со скрежетом стали о камень и тяжёлым, словно у кузнечных мехов, дыханием орды.

Но в самом сердце агонии, на площади Коронования перед мраморным фасадом королевского дворца, ещё теплился свет. Последний островок в бушующем океане тьмы. И на этом острове, неподвижный и величавый, как монумент, возвышался король Элендур.

Его латы, искусная работа лучших оружейников Дрескании, сиявшие когда-то лунным серебром и тёплым золотом инкрустаций, теперь были похожи на полотно, по которому прошёлся безумный художник. Копоть, бурые подтёки высохшей крови, глубокие царапины от когтей и зубов. Плащ из королевского пурпура, символ власти, теперь болтался с одного плеча изорванным, бессильным клоком, трепеща на ветру, как предсмертный стяг. Но в осанке короля не дрогнула ни одна струна. Прямой, как древко знамени, хребет. Подбородок, высоко поднятый, словно бросая вызов самому дымному небу. А взгляд... Взгляд был ясен и холоден, как воды горного озера у истоков Великой Реки. В нём не было ни бешенства, ни отчаяния, лишь ледяная, отточенная решимость. И она же отражалась в клинке его длинного меча, который он держал почти небрежно, но с такой готовностью, будто он был продолжением его руки.

— Эльгель! — Голос короля рассёк грохот падающих колонн и отдалённые вопли. Не крик, не зов — точный, как удар клинка, приказ. Звук власти, привыкшей быть услышанной.

Из полуразрушенных резных ворот дворца, из-под обломков каменного герба с северным орлом, чья голова теперь лежала у порога, вышел капитан гвардии. Эльгель. Его доспехи, попроще королевских, тоже несли на себе все шрамы этого дня. Он шёл медленно, отдавая дань уважения месту и моменту, и каждый его шаг отдавался глухим стуком по расколотому плитняку. Лицо, которое король знал спокойным и насмешливым за чашей вина на Совете, теперь было маской из сажи, усталости и немой боли. Но страх не коснулся его. Никогда.

— Я здесь, Ваше Величество.

Король повернулся к нему. В его глазах, цвета зимнего неба перед бураном, плясали крошечные отражения далёких пожаров, словно звёзды, зажигающиеся в сумерках.

— Королева? Сын?

— На Пороговом Мосту, — голос Эльгеля был груб от дыма, но слова отчеканивались чётко. — Маги держат врата. Сила их дрожит... как паутина на ветру. Но она цела. Они могут уйти. Сейчас.

Король кивнул. Едва заметное движение. Казалось, не мышцы шеи дрогнули, а сама тяжесть короны, незримой теперь, но всё ещё давящей, на миг сместилась с его висков.

— Коллос вывел людей через руины южных ворот? По тропе Предков?

— Да, государь. — Эльгель сделал паузу, и в ней повисло всё несказанное. Весь ужас, вся горечь. — Остались... только мы.

Король Элендур улыбнулся. Уголки его глаз, изборождённые морщинами не столько от лет, сколько от забот, дрогнули. Улыбка была подобна последнему лучу солнца на краю обрыва — печальной, прощальной, но ослепительной в своей подлинности.

— Нет, старый друг, — прошептал он так тихо, что слова едва долетели до Эльгеля сквозь гул катастрофы. — Я остаюсь. Здесь. На этой земле.

Он сделал шаг вперёд, и его рука в потёртой перчатке легла на наплечник капитана. Не жест монарха, а прикосновение брата по оружию, человека к человеку. Сталь под пальцами была ледяной, но сквозь неё он почти чувствовал жар жизни, стук верного сердца, бывшего в такт его собственному столько лет.

— Но, Ваше Величество, долг... — начал было Эльгель, и в его голосе впервые прозвучала трещина.

— Долг? — Король перебил его, и голос его окреп, зазвенел сталью. — Мой долг сейчас — быть плотиной. Щитом. Чтобы тень моего падения дала им время скрыться в свете. Династия должна пустить корни в новой почве. Трон можно переплавить, штандарты — сжечь. Но пока жив хоть один, в чьих жилах течёт кровь Дрескании, жива и её душа. Жив феникс, что однажды воспрянет из этого пепла. Взлетит к солнцу, как орёл на нашем гербе. Высоко. Выше, чем когда-либо.

Он отнял руку и обернулся к оставшимся гвардейцам. Их строй был жидок — чуть больше десятка человек, стоящих плечом к плечу на ступенях дворца. Горстка против легиона. Искра против потопа. Но в их глазах, уставших, воспалённых от дыма, он увидел непотухающий огонь. Тот же огонь, что горел в нём самом. Огонь не надежды на спасение, а решимости *значить*.

И тогда Эльгель выпрямился во весь свой немалый рост. Его ладонь со стуком легла на эфес меча, и этот звук, короткий и ясный, прозвучал громче любой речи.

— В таком случае, — голос его пророкотал над площадью, сметая шёпот отчаяния, — ваша плотина будет из стали и костей! Мы с вами, государь! До конца!

И случилось чудо. Не магическое, а человеческое. Горстка воинов, этих последних хранителей, синхронно, будто на параде, сдвинулась, выстроившись в одну нерушимую линию. Их изорванные плащи взметнулись на внезапном порыве горячего ветра. Скудный свет пожаров выхватил из тьмы их шлемы, их сбитые щиты, клинки, поднятые в едином порыве.

— За Дресканию! — выкрикнул седой ветеран с перевязанным боком.

— За дом наш! — подхватил молодой, почти мальчик, чьё лицо ещё не знало бритья.

— ЗА КОРОЛЯ! — обрушилось на площадь единым рёвом, сотрясающим камни. Рёвом, в котором была ярость, скорбь и безмерная гордость. Он перекрыл на миг все звуки гибели мира.

Король Элендур смотрел на них. И в глубине его ледяного взгляда что-то дрогнуло, растопилось. В нём зародилась *иная* надежда. Не для себя. Он знал — знал каждой уставшей мышцей, каждым рубцом на сердце, — что эти люди обречены. Что скоро их клинки затупятся,

их тела падут, а их имена, возможно, сотрутся из памяти, как стираются надписи на древних надгробиях. Но их смерть будет не напрасна. Она станет семенем.

Надежда была в тех, кто уже скрылся в горных теснинах под предводительством верного Коллоса. В его жене, Лианель, чьи пальцы умели не только возлагать корону, но и заживлять раны одним прикосновением. В сыне, маленьком Аэлане, в чьих зелёных глазах — материнских — он видел мудрость, а в упрямо сжатых губах — свою собственную волю. Надежда была за порогом магических врат, в завтрашнем дне, который они унесут с собой, как самое драгоценное сокровище.

И в этот миг, будто сама судьба решила поставить точку в его размышлениях, грохот потряс площадь.

Не треск, а именно грохот, исходивший изнутри земли и камня. Массивные дубовые врата дворца, окованные серебряными полосами с чеканными историями королевства, не просто рухнули. Они взорвались внутрь. Древняя древесина, прочнейшая сталь — всё это сложилось, как карточный домик, под чудовищным напором. Осколки и щепы взметнулись в воздух, и в зияющем теперь проёме, в клубах пыли и дыма, замерло на мгновение оно.

Орда. Но уже не нестройная толпа. Это была стена. Стена из тел, стали и ненависти. Углуки, взбешённые запахом последнего сопротивления, выкатились на площадь первыми, за ними, мерно и тяжело, застучали по плитам сапоги солдат Тьмы в чёрных, как ночь без звёзд, латах. Их было не сотни, не тысячи — казалось, вся тьма мира сконцентрировалась здесь, в этой точке, чтобы одним последним, сокрушительным ударом стереть последний свет.

Король Элендур выдохнул. Один раз. Глубоко и спокойно, как делал это перед началом турнира или произнесением судьбоносного приговора. Затем он плавно поднял меч перед собой. Клинок лизнул отсвет пламени, и на нём вспыхнула короткая яркая молния — отражение неба, которого уже не было видно.

— За мной! — прозвучал его голос. Тихий, но настолько насыщенный непоколебимой волей, что он проник в самое сердце каждого гвардейца. — Не для победы. Для времени. Для чести. Заберём в преисподнюю такую ораву, что сам Повелитель Тьмы почувствует нашу поступь!

И он сделал шаг навстречу надвигающемуся мраку. Не побежал в отчаянной атаке. Не попятился. Он именно что *шагнул*. Твёрдо. Веско. Как подобает хозяину этих земель, спускающемуся в собственный зал на последний, вечный пир.

А за ним, не сговариваясь, в унисон шагнула его дюжина. Потом ещё шаг. Их тени, длинные и острые в зареве пожаров, упрямо поползли вперёд, навстречу бесформенной массе вражеских.

На площади Коронования, в эпицентре гибели Капит-Ориса, под саваном из дыма и пепла, начался последний танец. Танец, в котором партнёром была смерть, а музыкой — звон клинков, хруст костей, хриплые крики ярости и тихие вздохи уходящих жизней. Танец отчаяния и негибимой чести. Его не увидит ни один летописец, не воспоёт ни один бард в будущих безопасных залах. Но он навсегда отпечатается в самой ткани этого места. В памяти уцелевших, которые будут рассказывать о нём шёпотом у костров. В легендах, которые вырастут из зёрен, посеянных сегодня этой горсткой людей.

Потому что истинная победа иногда измеряется не сохранёнными землями или жизнями. Иногда победа — это тень, которую ты отбрасываешь в час своего конца. Тень достаточно длинная и тёмная, чтобы укрыть ростки будущего.

И король Элендур, прозванный в веках Непоколебимым, был полон решимости отбросить такую тень, какой мир ещё не видывал.

Глава 1. Чёрная цитадель

Город врос в скалу, как раковая опухоль в живое тело. Он цеплялся за обрыв, ниспадая по склону чёрными ярусами, словно струпья на израненной плоти земли. Но это было лишь уродливое напластование, скрывавшее в своих недрах иное прошлое. Оно проглядывало сквозь новую грязь призрачными очертаниями: там, где ныне чадили трубы, когда-то вздымались к облакам шпили, отполированные ветрами до ослепительной белизны и отливавшие на закате чистым золотом. Здесь, под грубыми бараками, спали фундаменты дворца с колоннами, которые помнили шелест знамён Дрескании — самого сурового и гордого из северных королевств Картемира.

Город носил имя одинокой звезды в созвездии Орла — Капит-Орис. Серебряный орёл на лазурном поле — символ бесстрашия, нестигаемой воли и той силы, без которой не выжить в леденящих пустошах, — венчал некогда и корону, и штандарты, и сердца его людей.

Но это было столетие назад. В 853 году от Переселения Эльфов пришла Тьма. Не метафора, не аллегория. Осязаемая, дышащая мгла, что выползла из северных разломов, поглотила земли, а затем протянула холодные шупальца к самому сердцу королевства. Ныне легенды живут лишь в шёпотах стариков у чадающих очагов: о последней битве у стен Капит-Ориса, где король Элендур Непокколебимый в сияющих доспехах встал на башнях своей столицы, глядя, как волна чёрного железа и злобы заливают белоснежные улицы. Говорят, он не бежал через древний портал с семьёй. Говорят, тело его так и не нашли. А самые отчаянные шепчут, согнувшись над киркой: быть может, он и сейчас там, в глубине катакомб под цитаделью, ждёт часа своего возвращения, закованный во сон или в камень.

Теперь вместо стройных башен — корявые горны кузниц, извергающие вечно хмурое небо ядовитые испарения цвета запёкшейся крови и серой печали. На месте дворца, где вершились судьбы земель от Утмунских хребтов до Великолесья, ютятся убогие сараи для рабов и казармы их тюремщиков. Чёрный Повелитель не созидает — он паразитирует. Он вгрызается в мёртвую плоть прежней цивилизации, как овод, и высасывает остатки её соков, чтобы питать свою бесконечную, ненасытную войну.

В стенах этой окаменевшей скорби не услышать смеха. Воздух здесь густ от страха — едкого, плотного, как дым из плавлен, — и от боли, что сочится из глубоких, воспалённых рубцов на спинах тех, кто день за днём, год за годом, век за веком долбит породу в шахтах, стоит у адского жара горнов и куёт оружие для чужих походов. Для походов, что, возможно, пожрут их же оставшихся на воле детей, их земли, их последнюю призрачную надежду. Чуть южнее, в безжизненной степи вдоль застывшей реки Ледокол — некогда полноводной артерии, по которой ходили струги с зерном и мехами, — рабы, сторбившись, возделывают серые поля корна. Жалкой снеди, горькой и тошнотворной, единственной, что может прокормить жизнь в этой выжженной земле отчаяния.

В лабиринте штолен, где воздух был так густ, что его можно было резать затупленным ножом и жевать, как войлок, трудился парень. Лет двадцати, крепкий, с широкими плечами дровосека или кузнеца, он казался чужаком в этом царстве живых мертвецов. Ибо большинство здешних рабов и впрямь походили на ходячие тени, на существа, из которых медленно, по капле, вытянули всю влагу жизни. Их глаза были пустыми, бездонными колодцами, в которых давно испарилось последнее отражение солнца.

В метре от него, под неровным светом факелов, что коптили и плевались угольками, с тупым, почти ритуальным упорством долбил стену исхудалый человек. Удар кирки. Короткая пауза, заполненная прерывистым дыханием. Удар. Пауза. Он был похож на маятник гигантских, испорченных часов, отсчитывающих последние песчинки времени в чьей-то судьбе. Сорок лет ему? Или все шестьдесят? Время здесь теряло власть, стирая лица в безликую маску, превращая людей в приделки к инструменту.

— Эй, парень, — голос его был тих, как шелест осыпающейся породы, но в нём, вопреки всему, теплилась искорка чего-то человеческого, не до конца растоптанного. — Как звать-то? Откуда забрёл в нашу светлицу?

Он попытался улыбнуться, но получилась лишь жутковатая гримаса — губы, потрескавшиеся до крови, не слушались.

Парень взглянул на него — быстрым, оценивающим взглядом волка, учуявшего рядом другого хищника, — и молча отвернулся, сделав вид, что не расслышал. В каждом его движении читалась пружинистая готовность, глухое недоверие, инстинкт зверя, загнанного в угол, но не сломленного.

— Молчок? — мужчина не обиделся, лишь хмыкнул с пониманием, в котором была целая вселенная прожитого горя. — Дело твоё. Мудро. Здесь язык может довести до петли быстрее, чем кирка — до золотой жилы. А меня Атрон звать. — Он тяжело опустился на груды камней, прислонившись спиной к сырой, сочащейся влагой стене выработки. Из его груди вырвался глухой стон — невольный, сдавленный. Казалось, это последнее усилие перед тем, как кости рассыпятся в прах, а дух улетит в вечный мрак. — Раньше был Атрон Крепкорукий. Из Гараклиона, из Нижнего Тирана. Кузнец. Неплохой, между прочим. Сам герцог Арвин заказывал у меня латы для своей личной гвардии. «Крепкорукий, — говаривал, — ты не куёшь, ты поёшь по металлу».

Он замолчал, уставившись в пустоту перед собой. В его запавших глазах на мгновение мелькнуло и погасло что-то далёкое и светлое — отблеск на лезвии давно сломанного меча.

— Валангис, — наконец выдавил парень, не прекращая методично вгрызаться киркой в каменную плоть. Голос его был низким, чуть охрипшим, будто от долгого молчания или от крика, застрявшего в горле три недели назад.

— Валангис... — Атрон перекатал имя на языке, словно пробуя на вкус давно забытое вино. — Звучно. Северное? Или гитхаронское?

— Гитхаронское.

— Так я и думал. — Атрон кивнул, будто поставил в уме какую-то галочку. — А откуда родом-то? Из чащ Великолесья? Или с приречных лугов?

Он попытался подняться, опираясь на кирку, словно на костыль, и его лицо исказила гримаса немоги. Руки тряслись мелкой дрожью. — Помоги-ка, а? Совсем одолели кости... В этой сырости проклятой...

— Сиди, — резко оборвал его Валангис, не оборачиваясь. Голос прозвучал не как сочувствие, а как приказ. — Я за двоих управлюсь.

И он врезался в породу с удесятёрённой, слепой яростью, словно в ней был заключён не тусклый металл, а сам дух этого ада, которого он жаждал раздробить в пыль. Искры высекались, как злые звёзды, осколки камня со свистом отлетали в темноту; один, острый как бритва, рассёк ему щеку, оставив тонкую багровую нить. Он даже не дрогнул. Каждый удар был не работой — это был безмолвный рёв, вызов, акт немого бунта.

Атрон смотрел на него с любопытством, смешанным с горькой, усталой жалостью и слабостью искрой чего-то, что когда-то называлось надеждой.

— Ты недавно здесь, верно? — произнёс он так тихо, что слова едва долетели сквозь грохот. — Огонь ещё не погас. В глазах ещё живёт дурацкая мысль, что отсюда можно выйти живым.

Валангис не ответил. Только его скулы задвигались под кожей, а челюсти сжались так, что, казалось, гранит между зубов рассыплется в песок.

Звон железа о камень, скрежет тачанок по неровному полу, прерывистое, хриплое дыхание, сухой, раздражающий кашель, глухие стоны — эта монотонная симфония смерти наполняла штольню, впитывалась в породу, въедалась в кости, пропитывала мозг. Многие уже шептали молитвы. Не о спасении — о конце. Кто-то взывал к старым богам Картемира, забытым

и глухим. Кто-то — к теням предков, которые давно не слышат. Кто-то просто бормотал бессвязные слова, заглушая тишину внутри, ту страшную тишину, которая наступает, когда исчезает последняя надежда. Лютый холод и жидкая, отравленная бурда из корна делали своё дело методично и неспешно, выедавая жизнь по крупичкам, превращая людей в послушные, безвольные тени.

И вдруг — пронзительный, животный вопль, вырвавшийся из восточных тоннелей. Вопль, в котором не осталось ничего от человека — только голая, невыносимая боль, леденящий страх и пена безумия на краю сознания. Он прокатился по всем галереям, эхом отражаясь от стен, множась, искажаясь, превращаясь в хор загробных голосов. Даже самые отрешённые, казалось, уже потерявшие дар чувствовать, невольно содрогнулись. Чьи-то руки замерли на рукоятках кирок.

— Что это? — резко обернулся Валангис, инстинктивно сжимая кирку так, как сжимают рукоять боевого топора.

— Разве не ясно? — В голосе Атрона не было ни удивления, ни страха, лишь привычная, выгоревшая дотла безысходность. Пепел на месте, где когда-то тлело сочувствие. — Это поёт свою последнюю песню мертвец. Раньше или позже её споёт каждый из нас. Сегодня — Барух из Утмуна. Славный был мужик, горняк потомственный. Вчера ещё божился, что доживёт до весны и выпьет за свободу. — Атрон усмехнулся, и звук этот был похож на скрип ржавых петель. — Весны. Здесь, парень, весны не бывает. Здесь только зима. Вечная. Ледяная. И никуда от неё не деться.

Про себя Валангис усмехнулся, оскалив зубы. *Не каждый. Нужно лишь собрать волю в кулак, как учил дед, и бежать. Сквозь стены, стражу, даже сквозь саму смерть — но прочь. Дед, старый воин, говаривал, точа кинжал у очага: «Пока в груди дышит воздух — сопротивляйся. Мёртвым покоряться прощя».*

— Думаешь, не пытались? — Атрон словно прочитал его мысли, и в его тоне зазвучала горькая, прожиточная ирония. — Ох, парень, ты не первый с таким огнём в глазах. Видел я десятки таких. Сильные. Гордые. Непокорные. — Он замолчал, потёр переносицу грязными, искривлёнными пальцами. — Их костями до сих пор лакомятся твари, что сторожат эти скалы. Углуки на стенах — это ещё цветочки, декорация. За стенами, в ущельях, водятся похуже. Летуны, что видят в темноте, как мы при свете дня. Харакиры, что чувят страх и кровь за пять миль. Отсюда нет путей, парень. Только вход. Глубокая пасть. А выходов у пасти не бывает.

— Выход всегда есть, — пробормотал Валангис, но в самом звуке его голоса, впервые за долгие дни проскользнула трещинка сомнения.

— Да? — Атрон печально, по-стариковски улыбнулся. — Тогда скажи мне, умник, почему я здесь уже четвёртую зиму встречаю?

Тишина легла между ними — тяжёлая, липкая как смола.

— Четвёртый год, — повторил Атрон уже тише, словно признаваясь в самом страшном грехе. — Калерию с Орвитом взяли на третий месяц после меня. Схватили в степи, когда они пытались дойти до Парадиза. Думали, город-государство, крепость света, не падёт. — Он сплюнул, и в слюне была алая нить. — Не пал. Пока. Но беженцев углуки ловят, как кроликов в силки. И продают своим же хозяевам. Рабов, видишь ли, много не бывает. Топливо для войны вечно в дефиците.

Валангис хотел что-то сказать, возразить, выкрикнуть свою ярость, но в этот момент смена подошла к концу. Снаружи, из главного тоннеля, донёсся хриплый, гортанный ор, от которого стыла кровь в жилах:

— Кончайте, отребье! Плесень подземная! На сегодня с вас хватит! Живо собирайте железки и выползайте на свет божий! Хотя какой там свет, хры-хрым!

Рабы, подобные сонму подземных духов, совершили привычные, вымученные движения: сложили затупленные инструменты, взгромодили скудную руду на скрипучие, неповоротли-

вые тачанки и, выстроившись в две неровные, пошатывающиеся шеренги под прищуренными взглядами тварей, поползли к выходу, навстречу ледяному ветру.

Надзиратели — углуки низшей касты, слишком тщедушные для войны, слишком уродливые даже по меркам своего отродья — расхаживали вдоль шеренг, лениво взмахивая короткими, шипастыми кнутами. Их кожа была цвета заплесневелого камня, покрытая бородавками и сочащимися гнойниками. Маленькие, злобные глазки, налитые желтизной, бегали по лицам рабов в поисках слабину. Но хуже всего был запах — тяжёлая, въедливая смесь гниющего мяса, серы и чего-то кислого, что въедалось в одежду и кожу навсегда.

Один из тех, кто тащил телегу, — молодой парень, по виду с южных равнин, споткнулся о выступающий камень и рухнул на колени, рассыпав жалкий груз. Кусочки руды с сухим звоном покатались по неровному полу. Он попытался встать, оттолкнуться дрожащими руками, но ноги, истощённые до предела, не слушались. Истощение. Обезвоживание. Или тихая смерть, уже подкрадываясь к сердцу.

К нему подошёл надзиратель, причудливо сгорбившись, его корявая тень легла на распростёртое тело, словно саван.

— Устал, мясишко? — голос его был визгливым, скрипучим, каждое слово — как прожавевший гвоздь по стеклу. — Ничего, отдохнёшь! Эй, двое! — он кивком, полным гадкой усмешки, подозвал подельников. — Выведите эту тварь, вдохните в неё бодрости! Ххры-хрым!

Его визгливый смех, похожий на предсмертные судороги птицы, разнёсся по штольне. Два других надзирателя, хихикая, схватили несчастного под мышки и потащили прочь, в один из боковых, тёмных тоннелей, откуда потом долго не слышно было ни криков, ни стонов. Только влажный, приглушённый звук, от которого холодела душа.

Строй замер. Никто не смел пошевелиться, вдохнуть полной грудью. Все знали, что будет дальше. Сломать одного, чтобы запугать сотню. Старый, как мир, принцип рабовладельца.

— А ну-ка, собрать это всё! — рявкнул надзиратель, и удар кнута рассёк воздух и плоть на спине рядом стоящего старика. Тот вскрикнул — коротко, по-детски. Ещё кто-то сдавленно застонал. И под эти визги, под свист плетей рабы, движимые последним, слепым инстинктом самосохранения, бросились подбирать куски руды, швырять их обратно в телегу.

Валангис ловил взгляды своих товарищей по несчастью — в них на миг вспыхивала ярость, животная, первобытная ярость загнанного в клетку зверя. Но тут же её поглощала бездонная, вселенская усталость. Искра гасла, даже не успев разгореться. У них не было надежды. Они даже забыли, какого она цвета.

— Видел? — тихо, сквозь стиснутые зубы спросил Атрон, шагая рядом. — Так каждый день. Иногда дважды в день. Углуки кровь любят. Но не нашу — мы для них грязные, низшие. Они любят зрелище. Им нравится ломать то, что ещё не сломалось до конца.

— Почему вы не сопротивляетесь? — прошипел Валангис, и его пальцы впились в древко кирки так, что побелели костяшки. — Вас — сотни. Их — жалкие десятки.

— Были те, кто пытался, — Атрон покачал головой, и в его глазах отразилась давняя, незаживающая боль. — Два года назад. Бунт подняли плавильщики — больше ста двадцати человек. Отчаянные. Они захватили оружейную, перебили надзирателей в Восточном крыле, почти прорвались к южным воротам. Знаешь, что случилось?

Валангис молчал, уже предчувствуя ответ.

— Форднир выпустил Харакиров. К рассвету от бунтовщиков остались только... куски. И всех, кто не участвовал, заставили на эти куски смотреть. Три дня. Пока вороны и прочая падаль не склевала последние остатки. — Атрон сглотнул, и его кадык болезненно дёрнулся. — После этого, парень, желающих повторить их подвиг поубавилось. Совсем.

Выйдя из утробы шахты, они попали в объятия настоящего бурана. Колочий, продувающий насквозь ветер нёс с собой не снег, а колкую ледяную пыль, смешанную с пеплом и сажей. Он выл в ущельях, высасывая последнее тепло из тел, забиваясь в лёгкие, в глаза, в каждую

складку одежды. Рабы инстинктивно жались друг к другу, образуя подобие живого щита против стихии, пытаясь сохранить жалкие крупницы тепла, исходящего от их дыхания.

Небо было сплошной чёрной тканью, без просвета, без намёка на звёзды или луну. Даже днём солнце — редкий, бледный гость в этих краях — с трудом пробивалось сквозь вечную, густую пелену дыма, что поднималась от труб плавилен и кузниц. Валангис попытался вспомнить, когда последний раз видел чистое небо, яркие, ясные звёзды созвездия Орла, под которыми вырос. Не смог. Всего три недели в этом аду — и память уже начинала предательски стираться, как надпись на льду под дыханием огня.

У входа в штольню, подобные изваяниям из чёрного базальта и немой ненависти, стояли стражи. Они были крупнее надзирателей — на голову, а то и на две выше самого рослого человека, — закованные в грубую рубленую сталь, покрытую шрамами и застывшей грязью. Их рогатые шлемы скрывали лица, и лишь из узких прорезей сочился тусклый багровый свет, словно там тлели угли вместо глаз. На их щитах — ростом с подростка — алел символ господина: в кольце кроваво-красной краски оскаливалась морда самого ужасного зверя Картемира — Чёрного Дракона, пожирающего собственный хвост.

Их неподвижный всевидящий взгляд говорил яснее любых слов: они рубят любого — раба, надзирателя, своего же брата по оружию — без тени сомнения или милосердия. Углуки-воины презирали всё живое, включая себе подобных, но железная, выкованная болью и страхом дисциплина превращала их в идеальные машины убийства. Ходили слухи, что их выращивают в глубоких пещерах на востоке. Что слабых детёнышей пожирают сильные. Что они не знают страха, потому что не знают ничего, кроме повиновения и убийства.

— Не смотри на них, — прошептал Атрон, едва касаясь локтем Валангиса. — Не привлекай внимания. Они чувствуют страх, как гонимые псы. Но они чувствуют и ярость, и ненависть. И то и другое здесь — смертный приговор.

Колонна, понурая и бесконечная, двинулась дальше, миновала циклопические ворота в чёрной зубчатой стене — некогда это были Врата Рассвета, парадный вход в Капит-Орис, где встречали героев и послов с оливковыми ветвями, — охраняемые сотней таких же безликих стражей, и поползла вверх, на главный плац. Дорога была вымощена старым, белым, отполированным тысячами ног камнем, но теперь он почернел от вечной копоти, потрескался от морозов и времени, заледенел и стал скользким, как стекло.

На площади уже толпились другие рабы — лесорубы в рваных шкурах, от которых пахло хвоей и смертью; плавильщики с лицами, обожжёнными дочерна, и руками, покрытыми блестящими шрамами-ожогами; земледельцы, с ног до головы покрытые серой пылью корна, похожие на движущиеся статуи скорби. Все они стояли, понуро опустив головы, и ждали. Чего — никто не знал, но от этого ожидание становилось ещё невыносимее.

Шахтёров поставили сзади, у самых ворот. Валангис вглядывался в мельтешение лиц, пытаясь найти знакомые черты, кого-то из пятерых, с кем его захватили в ту роковую ночь в Рании. Но в этом море измождённых, похожих друг на друга призраков узнать кого-то было невозможно. Они все стали одним целым — многоголовым существом по имени Страдание.

— Что-то не так, — прошептал кто-то справа. Голос дрожал, как тростинка на ветру. — Нас никогда всех разом не собирали. Это... это к худшему.

— Заткни пасть, пока язык не отрезали! — прохрипел надзиратель, выступив из тени. Его кнут свистнул в воздухе, не задев никого — пока что. Но угроза висела в воздухе, осязаемая, как холод стали. Шёпот стих, словно его и не было.

— Атрон, зачем это? — едва шевеля губами, почти беззвучно спросил Валангис, уставившись в спину впереди стоящего.

— Увидишь, — так же тихо, с бездонной обречённостью в голосе ответил Атрон. — Сейчас явится тот, в чьей длани держится наша жизнь и смерть. Форднир Угнетатель. Правая рука Тёмного Повелителя на севере. Мясник, что прикончил Дресканию.

— Ты видел его?

— Дважды. Первый раз — когда меня сюда приволокли в цепях. Второй — когда бунт давили. — Атрон замолчал, и Валангис не стал расспрашивать дальше. По дрожи в его голосе было всё ясно и без слов.

Над площадью, подобно клыку, вонзённому в брюхо неба, вздымалась башня. Не строение, а воплощённая угроза, высеченная из чёрного, непроницаемого камня, пропитанного ненавистью и страхом. Её шипастые, окованные железом врата были столь огромны, что могли бы пропустить легендарных великанов Утмуна. Лишь один узкий балкон, похожий на выброшенный вперёд кулак, торчал из стены на восточной стороне. На его ограждении трепетало на ледяном ветру знамя Чёрного Повелителя — алое полотнище с кругом, внутри которого окаливалась морда дракона.

— Когда-то здесь была Башня Орла, — тихо, как молитву, произнёс Атрон, заметив взгляд Валангиса. — Самое красивое строение Капит-Ориса. На вершине стояла статуя из белого мрамора — орёл с распростёртыми крыльями, покрытый чистым золотом. Ночью её освещали факелы, и казалось, что над городом парит огненная птица, хранительница королевства. — Он сглотнул, и голос его сорвался. — Форднир велел её стащить тросами. Переплавить. Из этого золота, говорят, отлили цепи для самых строптивых рабов. Поэтично, да?

Валангис ничего не ответил. Какие могут быть слова?

И в этот миг на балконе, словно материализовавшись из самого мрака, возникла высокая фигура. Форднир Угнетатель. Владыка Цитадели. Даже издавек от него исходила аура леденящей, абсолютной власти, не терпящей ни возражений, ни сомнений. Его доспехи были аристократичной, отточенной версией лат стражей — менее громоздкие, более изящные, но от этого не менее смертоносные. Чёрная сталь, обитая кроваво-красной медью, по которой вились замысловатые узоры — то ли руны погибших языков, то ли магические заклятья, то ли просто узоры, призванные устрашать. Со спины свисал потёртый, местами прожжённый плащ с вышитой драконьей мордой. Не парадное одеяние, а боевой плащ. Плащ палача.

Лица не было видно — голову скрывал шлем с Т-образной прорезью забрала. Но глаза... глаза горели изнутри тусклым, нездоровым красным светом, как угли в давно остывшем пепле, всё ещё хранящие жару тления.

— Внимание, черви! — его голос, металлический, громкий, усиленный магией или простой медной трубой, перекрыл вой ветра и ропот толпы. Он резал слух, как пила по кости. — Вы неплохо служите. Ваши жертвы угодны Повелителю.

Он сделал паузу, и в этой паузе ветер стих, словно прислушиваясь.

— Скоро его тёмное воинство сметёт жалкие королевства Картемира, и наступит новая эра! Эра Силы! Эра, когда сильный берёт то, что хочет, а слабый служит или умирает под ногами победителей! — Форднир шагнул вперёд, к самому краю балкона, опёрся руками в латах на перила. Весь его вид излучал холодное, надменное величие. — Парадиз падёт. Дарат падёт. Утмунские карлики сгинут в своих тёмных норах. Гитхаронские леса сгорят дотла, а Великолесье станет пепелищем, где будут пастись наши твари!

По толпе прошёл сдержанный, гулкий ропот — приглушённый, полный ужаса. Кто-то всхлипнул. У Валангиса сжались кулаки так, что ногти впились в ладони до крови. Гитхарон. Его дом. Его леса.

— Но не всем же ковыряться в грязи и жевать корн! — продолжал Форднир, и в его механическом голосе зазвучала странная, извращённая радость. — Армии нужны новые тела! Сильные тела! Тела, которые могут держать меч, таранить ворота, нести осадные лестницы к стенам городов! Вы, — его рука, закованная в лату с длинными хищными когтями, резко взметнулась, указывая в кромешную тьму за стенами, — вы отправитесь на юг! На войну! Вы будете сражаться! Будете убивать! И если выживете — может быть, обретёте свободу под сенью длани нашего Повелителя!

По рядам пронёсся уже не ропот, а приглушённый гул. Для кого-то эти слова стали глотком мутного, отравленного воздуха — шансом не сгнить заживо в шахте, даже если этот шанс куплен ценой предательства и убийства своих. Для других — последним, самым чёрным кошмаром. Поднять меч на тех, кто остался за стенами? Уничтожить последние островки света?

— Есть желающие?! — рявкнул Форднир, и эхо этого крика прокатилось по площади, ударившись о стены и вернувшись обратно многоголосым, искажённым воплем.

Тишина. Долгая, тягучая, мёртвая. Даже ветер, казалось, затаил дыхание.

А потом из толпы, из самого её сердца, вышла первая фигура. Высокая, сутулая, с лицом, на котором читалась лишь пустота. За ней — вторая. Третья. Несколько десятков теней медленно, словно движимые не своей волей, а невидимыми нитями, выступили вперёд, образуя отдельную, жалкую группу. Добровольцы или самоубийцы? Отчаявшиеся или предатели? Было не понять. Валангис узнал некоторых: старик из соседней штольни, у которого, как шептались, осталась дочь в Парадесе. Молодой парень, что говорил, что лучше умрёт с мечом в руках, чем с киркой в лапах тварей. Женщина с пустым взглядом, потерявшая всех детей в первые дни падения города.

— Отлично! — Форднир захлопал в ладони, и звук был точь-в-точь как удары двух кусков железа друг о друга. — Вы будете первыми! Надеюсь, ваш пример вдохновит остальных! А тех, кто не вдохновится... — он сделал многозначительную паузу, во время которой по спине у каждого пробежали ледяные мурашки, — мы вдохновим сами. По-своему.

Он ослабился — даже сквозь непроницаемое забрало это было видно по наклону головы — холодной бездушной улыбкой, от которой кровь стыла в жилах, и скрылся в чёрной пасти башни, словно её поглотила.

Прорезал воздух багровый, завывающий звук рога — протяжный, первобытный, нечеловеческий. Надзиратели взвыли в ответ, взметая кнуты. И толпа рабов, как перепуганное, загравленное стадо, бросилась врассыпную, к своим загонам. Началась давка, паника, крики. Удары сыпались на отстающих, на споткнувшихся, просто на тех, кто оказался ближе.

Один такой удар, со свистом рассекающий воздух, пришёлся на спину Валангиса, разрезав грубую рубаху и плоть под ней. Боль — острая, ослепляющая, как удар молнии — пронзила всё тело, вытеснив воздух из лёгких. От неё темнота ударила в виски, мир поплыл и накренился. Он рухнул на одно колено, упёршись ладонью в скользкий, холодный камень. В глазах потемнело.

— Вставай! Не сейчас! — чья-то сильная, костлявая рука вцепилась ему в плечо, с силой, неожиданной для этого места, рывком подняла на ноги. Помощник тут же растворился в мельтешении тел, но в эту секунду Валангис поклялся себе, поклялся памятью деда и пеплом Рании, что однажды вгонит древко этого кнута в глотку того, кто стоял над ним. И не только древко. И не только кнута. Всё, до чего сможет дотянуться.

Когда последних рабов втолкали в барак и с оглушительным грохотом задвинули тяжёлые железные засовы, надзиратели, гогоча и толкаясь, потопали на свою варварскую пирушку в отдельную тёплую казарму. Валангис сквозь толстые брёвна стен слышал их визгливый смех, пьяные вопли, звон металла — они напивались какой-то своей, ядовитой брагой, устраивали грубые бои, резались в кости, сделанные, как уверяли самые мрачные слухи, из суставов человеческих пальцев.

Переступив порог, он замер, ослеплённый не светом, а самой переменной.

Резкий, режущий холод снаружи и спёртый, густой, живой воздух внутри столкнулись у него в лёгких. Исчез пронизывающий до костей ветер, сменившись волнами сухого жара от огромного камина — настоящего каменного очага, сложенного из тех самых белых плит, что когда-то мостили парадные улицы Капит-Ориса. Дрожащие, оранжевые тени от его пламени плясали по бревенчатым, закопчённым стенам, оживляя грубые нары, груды потёртых шкур и сгорбленные фигуры людей. И среди этого полумрака, вопреки всему, кипела жизнь.

У самого огня, на корточках, сидели мальчишки лет десяти-двенадцати, с серьёзными, не по годам усталыми лицами, помешивая в огромном закопчённом котле ту самую сероватую жижу — похлёбку из корна. Две девочки, едва доставая до протянутой верёвки, развешивали для просушки портянки и рваные рубахи, от которых поднимался тяжёлый кисловатый пар. В углу, на нижних нарах, старая женщина с удивительно спокойными и точными руками перевязывала гноящуюся рану на ноге седого старика; её движения были медленны и полны неожиданного достоинства, а его лицо, искажённое болью, постепенно разглаживалось, принимая выражение покорной благодарности.

Где-то в глубине барака, за второй линией нар, девушка пела колыбельную — тихо, дрожащим, но чистым голосом. Валангис не слышал пения с той ночи, когда углуки ворвались в Ранию. Три недели тишины, стонов, приказов и криков — но не песен. И эта простая, почти детская мелодия, знакомая до боли, ударила по нему с такой неожиданной силой, что перехватило дыхание и в глазах на мгновение затуманилось.

Воздух был густым сплетением запахов: едкого дыма, пропотевшей овчины, прелой соломы, сладковато-тошнотворного духа варева — и чего-то ещё. Чего-то простого, глубоко человеческого, почти забытого: запаха дыхания многих людей в замкнутом пространстве, запаха титанического, ежедневного труда по сохранению жизни, пусть самой жалкой. Запаха, отдалённо, извращённо напоминавшего дом. Не тот светлый, пропахший хлебом и травами дом в Рании, с дедовым табаком и смолистым ароматом сосновых брёвен, а его изуродованное, исковерканное подобие. Уют, отвоёванный у всепоглощающего отчаяния по крупяцам, по нитке, по горсти тёплой золы.

На мгновение он почувствовал, как сжатые в каменный комок мускулы спины начали невольно разжиматься. Это была не безопасность — безопасности здесь не могло быть по определению, — но передышка. Краткая, хрупкая, драгоценная. И от осознания этой хрупкости в горле встал горький, тугой ком.

— Эй, стоишь как вкопанный! Иди к нам, греться! — окликнул Атрон откуда-то справа, из-за спин собравшихся у огня. Валангис медленно, стараясь не тревожить горящую рану, пробиравшись сквозь людей. Каждый шаг отдавался тупой, раскалённой болью, но он не подал виду. Здесь слабость — роскошь, которую нельзя себе позволить. Её цена — смерть.

— Ого, и тебя украсили. Знато, — свистнул Атрон, одним взглядом оценив кровавую полосу на изорванной рубахе. — Смотри, до кости не дошло? Не хромаешь? Ладно, неважно. Садись, сейчас разберёмся.

— Пустяки, — буркнул Валангис, с трудом опускаясь на грубую, но сухую кожу, посланную рядом с мужчиной. Шкура была тёплой, от неё пахло дымом и чем-то звериным, диким. Волк? Росомаха?

— Пустяки? Щас мы эти пустяки исправим. — Атрон вскочил с неожиданной для его измождённого вида резвостью и растворился в полумраке дальней части барака. Валангис проводил его взглядом, потом перевёл глаза на огонь, пытаясь поймать его гипнотизирующий ритм, чтобы забыть о боли.

— Не обращай внимания, он всегда такой — засуетится и исчезнет, как крот в норе, — раздался спокойный, усталый женский голос. Валангис встретился взглядом с женщиной, сидевшей на месте Атрона. — Уже бежит за Маришкой, наверное. Она у нас все швы заговаривает. Лучше её тут никто не умеет.

Женщина была стройной, но исхудавшей, с лицом, на котором усталость легла глубокими тенями под глазами, но не смогла стереть врождённую мягкость черт. Каштановые волосы, заплетённые в простую, тугую косу. Серые, большие глаза, в которых, вопреки всему, ещё теплился огонёк доброты. Тихий голос и плавные, даже здесь, движения выдавали в ней южанку, одну из тех, кого угнали с тёплых, плодородных равнин Гараклиона — края, где росли серебристые оливы и сладкий виноград, где море было цвета летнего неба, а не вечного свинца.

— Я Калерия, — представилась она, а затем ласково, почти машинально, обняла мальчишку, жавшегося к её боку, словно птенец под крылом. — А это наша с Атроном и радость, и головная боль — сын Орвит. Скажи дяде привет, сынок.

Мальчик выглянул из-за материнского плеча — большеглазый, худенький, с тёмной, вьющейся непослушной шевелюрой. Лет шести, не больше. Он смотрел на Валангиса с нескрываемым детским любопытством, смешанным с естественной робостью перед незнакомым, большим и хмурым человеком.

— Привет, — шепнул он, пряча половину лица обратно в складки платья.

— Валангис, — представился парень и попытался растянуть губы в подобие улыбки. Получилось ли — не знал. Мышцы лица, кажется, забыли, как это делается.

— Держи, ешь. Пока не остыло. — Калерия протянула ему деревянную, потёртую миску, наполненную до краёв той самой серой жижей. Он осторожно поднёс её к губам, сделал маленький, пробный глоток — и лицо его непроизвольно перекосилось. Это была не еда. Это было наказание для вкусовых рецепторов: жижа отдавала сырой землёй, горечью пепла и чем-то невыразимо тоскливым, безнадёжным. Желудок, пустой и измученный, отчаянно скривился.

— И это... едят? — выдохнул он, с трудом сглотнув. Липкий, противный ком застрял в горле, и всё тело взбунтовалось против этой гадости.

— Лучшего не найдёшь, — без тени упрёка, с горькой, привычной покорностью в голосе ответила женщина. Её пальцы, худые и жилистые, по привычке, не глядя, поправили платок на голове мальчика. — Иногда дают мясо. Но оно больше на падаль похоже. Крысы, может. Или что похуже. А без этого корна мы бы тут давно с костями истлели. Корн выносливый, парень. Растёт даже в этом проклятом холоде, на мёртвой земле. Горький, ядрёный, но живёт.

— Как и мы, — тихо, уже скорее для себя, добавила она после паузы.

Орвит, до этого молча наблюдавший за новым человеком, вдруг спрятал лицо в складках платья матери, а затем снова выглянул, его детское любопытство явно пересилило робость.

И в этот момент со стороны выхода послышался лёгкий шум. Атрон пробивался к ним обратно, извиняясь, кого-то обходя, а следом за ним, ступая легко и бесшумно, словно её ступни не касались грязного пола, шла девушка. Она несла в одной руке небольшую глиняную склянку с мутной жидкостью странного фиолетового оттенка, а в другой — аккуратный свёрток из потёртой, но чистой ткани. Её появление словно внесло в их уголок струю прохладного, делового воздуха, ощущение сосредоточенной, безошибочной работы.

Девушка была молода — лет восемнадцати, двадцати. Чёрные, как смоль, волосы, заплетённые в тугую, невероятно сложную косу, оборачивались вокруг головы наподобие короны. Зелёные глаза, тёмные, глубокие, как вода в лесном омуте. Лицо усталое, но строгое, с чёткими, резкими чертами. Ни тени мягкости, никакого намёка на кокетство или даже простое человеческое участие — только холодная концентрация на деле.

— Вот и лекарь наш подрос, — улыбнулась Калерия, и в её улыбке было что-то родственное, понимающее.

— Рубаху долой. Быстрее, — скомандовала Маришка без предисловий, даже не кивнув в знак приветствия. Голос был негромким, но абсолютно чётким, не терпящим возражений. Приказ. Валангис, стиснув зубы, повиновался, с трудом стягивая прилипшую к ране ткань. При колеблющемся свете огня на его спине, плечах, грудной клетке проступила целая карта бывлых битв и трудов — старые, побелевшие шрамы, поблёкшие ожоги, память о другой жизни. Длинный, неровный рубец через правую лопатку — память о стычке с разбойниками на лесной тропе. Ожог на левом предплечье, похожий на отпечаток крыла птицы, — неудачно потушенный пожар в амбаре соседа. Мелкие порезы, царапины, следы жизни, полной физического труда и незначительных опасностей.

А на правом плече, ещё воспалённое и ярко-алое, чётко выделялось свежее клеймо — тот самый уродливый символ собственности, что вонзили ему в кожу раскалённым железом

всего три недели назад, после пленения в Рании. Круг, внутри которого — стилизованная, оскаленная пасть дракона. Метка Чёрного Повелителя. Метка раба. Навеки.

Девушка, не комментируя увиденную карту страданий, деловито промыла свежую рваную рану жидкостью из склянки. Валангис зашипел — жидкость жгла, как раскалённый уксус, впиваясь в живую плоть.

— Терпи, — бросила она равнодушно, даже не взглянув на его лицо, и взяла иглу с длинной, грубой нитью. Накалила остриё в пламени свечи, что принёс и зажёл Атрон, — опять же, не удостоив пациента взглядом.

— Будет больно, — констатировала она факт, и её пальцы уже двигались с холодной, отточенной точностью опытного ремесленника. Первый прокол. Нить, скользкая и жгучая, пронзила кожу.

— Не впервой, — пробормотал Валангис, но когда острая сталь вонзилась в плоть и потащила за собой нить, его тело всё же дрогнуло мелкой судорогой. Он впился взглядом в потолочную балку, покрытую ином и паутиной, стиснув челюсти так, что занесли скулы. Воздух вокруг наполнился едким, но чистым запахом травяной настойки — что-то вяжущее, горькое, но, судя по всему, действенное.

— Дядя, а это откуда? — раздался совсем рядом, прямо у его бока, детский голос, полный неукротимого, жадного любопытства. Орвит пристроился на корточках рядом и с восторгом первооткрывателя разглядывал паутину старых шрамов, оплетавшую бок Валангиса. — Вот этот, длинный-длинный, как молния на небе?

— Орвит, не мешай тётке Маришке! — шёпотом, но строго одёрнула Калерия, легонько потянув его за рубашку.

— А у меня тоже есть шрам! — продолжал мальчишка, не в силах сдержать порыв, и гордость в его голосе была такая искренняя и огромная, будто он говорил о королевской награде или о победе над великаном. Он торопливо оттянул ворот своей грубой домотканой рубахи, обнажая тонкую, почти белую полоску, идущую от мочки уха к ключице. — Видишь? Мне дед Коллос нож подарил! Настоящий, с костяной ручкой, с волком! Только я... я его уронил, когда точил о камень у ручья, и сам же на него наткнулся, когда поднимал. — В его голосе звучала смесь безмерной гордости за обладание настоящим, взрослым оружием и досады за ту давнюю, ребяческую неловкость.

Атрон, наблюдавший за процессом зашивания, хрипло хмыкнул, качая головой.

— Эх, Коллос... Старый греховодник и романтик. Маленькому-то что нож в руки суёт? Хорошо ещё, что после твоей проделки он этот клинок обратно прибрал, пока ты себе чего посерьёзнее не отхватил. Игрушку бы тебе деревянную, а не лезвие.

Калерия вздохнула, и в её взгляде, обращённом к сыну, мелькнуло знакомое всем матерям мира беспокойство, лишь приглушённое слоем вечной усталости.

— Научился хоть, — тихо сказала она, глядя мальчика по волосам. — С тех пор к острой стали и не подходишь, будто её огнём обложили.

Маришка на секунду оторвалась от работы, бросив на мальчика быстрый, оценивающий взгляд своих тёмно-зелёных глаз.

— Урок, значит, получил на всю жизнь, — констатировала она просто, без укора, но и без одобрения. — Зато теперь знаешь, что острое — не для игр. Острое — для дела. Или для беды. — И, сделав последний, точный стежок, она снова склонилась над спиной Валангиса, отрезая лишнюю нить.

Игла входила и выходила, входила и выходила. Валангис считал стежки в уме, чтобы отвлечься от жгучей, разрывающей боли. Пять. Десять. Пятнадцать. Двадцать.

— Готово, — голос Маришки прозвучал тихо, но твёрдо, как удар молота по наковальне, заканчивающий работу. Она отрезала нить кончиком той же иглы, быстрым, отточенным движением. — Старайся два дня не дёргать спину, не таскать тяжёлого. А там — как повезёт. Если

загниёт, почернеет или станет пульсировать — зови сразу. Хотя вряд ли — рана чистая, кнут был острый, резал, а не рвал.

Она уже складывала свои тряпицы в потёртый свёрток, когда Валангис, преодолевая жгучую, свежую боль в только что зашитых мышцах, сделал резкое, порывистое движение.

— Эй, — хрипло вырвалось у него, и его пальцы — большие, сильные, покрытые мозолями и царапинами — легли ей не на локоть, а на запястье. Легко, нежно, но достаточно, чтобы остановить. — Как звать-то? Лекарем или «эй» кликать неудобно.

Она замерла. Повернула голову, и впервые за весь этот процесс её взгляд, холодный и оценивающий, встретился с его. Её лицо в потрескивающем свете огня было как маска — высеченная из гранита усталости, бесконечного терпения и полной концентрации. Ни тени улыбки, лишь спокойная, бездонная усталость в глубоких глазах, будто она уже видела все раны этого мира, от всех устала и ни на каплю не удивлялась жестокости жизни.

— Маришка, — сказала она просто. Без вызова, без интереса, как сообщают погоду или время суток. — Тебя Валангис. Больше ничего не нужно знать. И не нужно.

Она выскользнула из его слабого хвата с привычной кошачьей лёгкостью, словно делала это сотни раз. Её плечи, узкие и острые под грубой серой тканью, уже развернулись к следующему тёмному углу, откуда доносился приглушённый стон. Она ушла, словно тень, поглощённая более густым мраком барака, не оглядываясь и не прощаясь.

Валангис смотрел ей вслед, пока её силуэт не растворился среди других сгорбленных, тёмных фигур. Потом медленно, осторожно, чувствуя, как затянутая рана отвечает на каждое движение тугой, предупреждающей болью, повернулся к Атрону.

— Она всегда... такая? — спросил он наконец, не находя точного слова для описания этой ледяной отрешённости. — Будто разговаривает со стенами или с инструментом, а не с людьми.

Атрон фыркнул, и в его ухмылке было что-то между неподдельным уважением и горькой, прожиточной иронией.

— Всегда, парень. Маришка — не для разговоров. Она для ран. Зашивает те, что в теле, и стороной обходит те, что в душе. И правильно делает. — Он потянулся за своей деревянной, выщербленной чашкой, внимательно всматриваясь в мутную жидкость, словно пытался разглядеть в ней ответы на все вопросы. — Здесь, в этой яме, у каждого своя ноша. У кого — память, у кого — страх, у кого — ненависть. Её ноша — наши раны, наши хвори, наша физическая боль. И она несёт её, не жалуясь. Молча. Так что не ищи в её глазах приветствия или сочувствия. То, что она тебя зашила и не бросила истекать кровью, — это уже вся приветливость, на какую ты можешь рассчитывать. Больше в её запасе для тебя, для меня, для всех нас нет ничего. Да и не должно быть.

Он достал из-под сидячей шкуры сложенную, чистую, грубую рубаху — выдавшую виды, аккуратно заштопанную в нескольких местах, но чистую.

— Держи. Не пропадать же добру. Была у одного парня... Эрнара. Добрый был. Да помер месяц назад. Лихорадка скрутила. Не вынес. Размер, гляжу, тебе подойдёт.

— Спасибо. — Валангис взял рубаху, и его пальцы на миг коснулись грубой, но добротной ткани. — За всё. И за рубаху, и за лекаря, и за... разговор.

— Ладно, ладно, не стоит благодарностей, — Атрон махнул рукой, отмахиваясь от эмоций, как от надоедливой мухи. — Так откуда ты, собственно? Утром новую партию пригнали, человек тридцать, это я знаю. Но ты... ты не похож на остальных. Держись иначе. В глазах не потухло. Ещё бушует.

Валангис помолчал пару секунд, решая в уме, стоит ли раскрываться. Но что толку молчать? Рано или поздно всё равно проболтается.

— С гитхаронских земель. Деревня Рания, что у слияния рек Харон и Стикс. Три недели назад, глубокой ночью, пришли. Без звука, без криков. Вырезали стражу у моста, перебили

всех, кто сопротивлялся с оружием в руках. — Голос его был ровным, почти монотонным, но под этой ровностью чувствовалась сдержанная, клокочущая ярость, готовая вырваться наружу. — Остальных... построили на площади. Разожгли жаровни, раскалили клейма и... — Он замолчал, сглотнув ком, который встал у него в горле. — Я одному из этих уродов горло к ногтю прижал. Голыми руками. Еле оттащили. За это меня, вместе с другими «буйными» и «опасными», и сослали сюда — подальше от родных мест, в самое пекло. Они боятся оставлять рядом тех, у кого ещё осталась воля дать отпор.

— Значит, не один был? — Атрон подался вперёд, и в его усталых глазах вспыхнул живой интерес.

— Нас было пятеро. Гарис, Валон, Лориэн, Серн. И я. Дрались вместе в той давке, схватили нас вместе, клеймили в одном ряду. А теперь... — он оглядел тёмный, переполненный барак. — Я никого не нашёл. Ни в шахтах, ни здесь.

— Могли в лес отправить, на заготовки. Или в плавильню, к самому жару, — задумчиво проговорил Атрон, потирая подбородок. — Там работают отдельно, в другой смене. Или на поля корна, к югу от стен. Завтра попытаемся разузнать, обещаю. У меня есть... знакомые. В других бараках, в других бригадах. Слухами земля полнится, даже такая мёртвая, как эта.

— Благодарю, — Валангис кивнул, и впервые за три долгие недели что-то отдалённо похожее на слабую искру надежды шевельнулось в его окаменевшей груди. Не надежды на спасение, а надежды не быть окончательно одним.

В бараке постепенно стихало. Орвит улёгся в узком промежутке между Атроном и Калерией, и они, сплетаясь в тёплую, дышащую троицу, укрылись одной большой лохматой шкурой и почти мгновенно заснули — маленький, хрупкий островок семьи в безбрежном, холодном океане всеобщего одиночества. Валангис растянулся на жёсткой шкуре, что дал ему Атрон, лицом к потолку. Его взгляд против воли притянул огонь в камине и силуэт того самого старика, который неподвижно сидел на перевернутом деревянном ящике прямо перед очагом.

Старик не спал. Он просто сидел и смотрел в пламя. И в его глазах, отражавших танцующие, вечно живые языки, горел тот самый неугасимый, загадочный огонёк, которого так не хватало пустым взорам рабов в шахте. Огонёк тихой, упрямой, безумной надежды. Или не надежды, а памяти. Памяти о другом мире, о другом небе, о другом воздухе. Или просто старческого, доброго безумия — кто знает.

Валангис закрыл глаза. Последнее, что проплыло в его сознании перед тем, как провалиться в беспокойный, наполненный кошмарами сон, была мысль, отточенная и ясная, как лезвие: «Я выберусь отсюда. Во что бы то ни стало. И я найду того, кто отдал приказ сжечь Ранию. И я ему взгляну в глаза, прежде чем вогнать в глотку сталь».

Где-то далеко, за стенами цитадели, завыл ветер в ущельях. Или это был волчий вой, одинокий и голодный?

В Чёрной Цитадели, в царстве вечного мрака, уже давно невозможно было отличить одно от другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.